

Клайв С. Льюис

СЕРЕБРЯНОЕ КРЕСЛО

Хроники Нарнии

Клайв Льюис

Серебряное кресло

«ЭКСМО»

1953

Льюис К. С.

Серебряное кресло / К. С. Льюис — «Эксмо», 1953 — (Хроники Нарнии)

Юстэс и его подруга Джил были перемещены Великим Львом Асланом в Нарнию, чтобы найти принца Рилиана, сына короля Каспиана. Хватит ли у детей сил точно запомнить и выполнить сложное задание, противостоять злым чарам королевы Подземья и вернуться в Нарнию со Дна Мира?

© Льюис К. С., 1953

© Эксмо, 1953

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвёртая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Клайв Стейплз Льюис

Серебряное кресло

Глава первая За школой

Стоял унылый осенний день, и Джил Поул плакала на заднем дворе школы. А плакала она потому, что её изводили. Но эта история не про школу, поэтому я буду рассказывать о школе, в которую ходила Джил, как можно меньше – не очень это приятная тема. Мальчики и девочки здесь учились вместе, поэтому школу называли смешанной, хотя некоторые считали, что смешалось всё главным образом в головах тех, кто ею руководил. Школьное начальство придерживалось мнения, что детям нужно позволять делать всё, что им заблагорассудится. К несчастью, десять-пятнадцать старших мальчиков и девочек обожали издеваться над остальными. Весь ужас, происходивший здесь, в любой другой, самой обычной, школе был бы пресечён, едва успев начаться, но здесь дело обстояло совсем иначе. Даже если мучителей и останавливали, то об исключении из школы или наказании не могло быть и речи. Директриса заявляла, что они представляют собой интересный психологический случай, звала их к себе и часами беседовала с ними. А тот, кто умел сказать правильные слова, и вовсе становился директорским любимчиком, и никак иначе.

Вот отчего этим унылым осенним днём Джил Поул плакала, стоя на узенькой мокрой тропинке, ведущей от заднего двора школы к зарослям кустарника. Она ещё не успела доплакать, когда из-за угла школы, насвистывая и засунув руки в карманы, появился мальчик и едва не налетел на неё.

– Смотри, куда идёшь! – проворчала Джил Поул.

– Да ладно тебе! – огрызнулся было мальчик, но, увидев её лицо, сменил тон: – Эй, Поул, что-то случилось?

Джил скривилась, как это часто бывает, когда хочешь что-то сказать, но понимаешь, что, стоит только начать, сорвёшься и заплачешь.

– Понятно: это опять *они*, – нахмурился мальчик, глубже засовывая руки в карманы.

Джил кивнула. Говорить было ни к чему – и так всё ясно.

– Послушай, – сказал мальчик, – нехорошо, если нас всех...

Он хотел сделать как лучше, но начал так, словно собирался прочесть лекцию. Джил внезапно разозлилась, как это частенько случается, если вам не дали как следует выплакаться:

– Уходи, тебя это не касается! Кто тебя просил вмешиваться? Хорошо тебе рассуждать, что нам всем нужно делать. Наверное, нужно всё время подлизываться к ним, заискивать, ходить перед ними на задних лапках, как это делаешь ты.

– О господи! – произнёс мальчик, усевшись было на траву возле кустарника, но тут же вскочив на ноги, потому что трава оказалась мокрая-премокрая.

Забавно, но его звали Юстас Вред, хотя был он очень даже неплохим парнишкой.

– Поул! Разве это справедливо? Разве в этом семестре я так делал? Ведь это я схлестнулся с Каргером насчёт кролика. Ведь это я не выдал Спивинса, несмотря ни на что. Разве не я...

– Н-не знаю и знать не хочу, – зарыдала Джил.

Вред понял, что она не в себе, и благообразно предложил ей мятную конфетку, не забыв и о себе. Очень скоро вещи предстали перед Джил в ином свете.

– Прости меня, Вред, – сказала она. – Это несправедливо. Ты и вправду делал так – в этом семестре.

– Тогда забудь прошлый семестр, если можешь, – попросил Юстас. – Я тогда был совсем другой. Боже мой, кем я был раньше! Маленьким негодяем.

– Честно говоря, так и было, – кивнула Джил.

– Значит, по-твоему, я изменился? – спросил Юстас.

– Не только по-моему, – ответила Джил. – Все так говорят. *Они* это тоже заметили. Элинор Блекистон слышала, как Адела Пеннифевер вчера говорила об этом в нашей раздевалке. Она сказала: «Что-то случилось с нашим малышом Вредом. В этом семестре он стал просто неуправляем. Видимо, придётся им заняться».

Юстас вздрогнул. Все в этой школе знали, что будет, если *они* кем-нибудь займутся.

Оба замолчали, и было слышно только, как с ветвей лавра падали капли.

– А действительно: почему ты так изменился в последнем семестре? – нарушила молчание Джил.

– На каникулах со мной много чего странного произошло, – загадочно ответил Юстас.

– Что же именно? – заинтересовалась Джил.

Юстас долго молчал, но наконец заговорил:

– Послушай, Поул, мы с тобой ненавидим это место так, как только вообще можно что-нибудь ненавидеть, правда?

– Что касается меня – точно! – горячо отозвалась Джил.

– Тогда, думаю, тебе можно доверять.

– И на том спасибо, – съехидничала Джил.

– Но это на самом деле страшный секрет. Послушай, Поул, ты веришь во всякое такое... ну, в то, над чем здесь принято смеяться?

– Вообще-то не знаю, – протянула Джил, – но думаю, что верю.

– А ты поверишь, если я скажу, что побывал там, вне нашего мира, и случилось это в каникулы?

– Я просто не понимаю, о чём ты.

– Хорошо, не будем о мирах. Представь, что я побывал в таком месте, где животные разговаривают и где есть всякие чудеса – драконы там и другое такое, о чём пишут в сказках. – Вред ужасно смутился и покраснел.

– Как ты туда попал? – Джил тоже почему-то почувствовала странную неловкость.

– Единственно возможным способом – с помощью волшебства, – еле слышно отозвался Юстас. – Я был с кузеном и кузиной – им это место знакомо.

Теперь, когда они перешли на шёпот, Джил почему-то стало проще поверить во всё сказанное. Внезапно её пронзило ужасное подозрение, и она заявила (с такой свирепостью, что на мгновение стала похожа на тигрицу):

– Если я узнаю, что ты дурачишь меня, то больше никогда не стану с тобой разговаривать. Слышишь? Никогда-никогда!

– Да нет же, – заверил её Юстас. – Клянусь, что нет. Клянусь всем-всем.

(Во времена моего детства мы клялись на Библии, но в этой школе клятвы подобного рода не поощрялись.)

– Ладно, – согласилась Джил, – поверю тебе.

– И никому не скажешь?

– За кого ты меня принимаешь?

Разговор привёл обоих в волнение. Однако, когда возникла пауза, Джил оглянулась, увидела скучное осеннее небо, услышала стук капель, падающих с ветвей, подумала о беспросветном существовании в их экспериментальной школе (шла лишь вторая неделя семестра, а всего их было тринадцать) и сказала:

– Ну и что из этого? Мы не там, мы здесь. *Туда* нам никак не попасть. Или всё-таки можно?

– Я сам об этом думаю, – ответил Юстас. – Когда мы возвращались из того места, Некто сказал, что ребята Певенси (это мои двоюродные брат и сестра) никогда не смогут туда вернуться, потому что побывали там уже три раза. Наверное, больше им не положено. Но никто не сказал, что я не могу туда вернуться. Если бы было нельзя, он бы сказал... И мне кажется, что мы... могли бы...

– Сделать что-нибудь, чтобы это случилось?

Юстас кивнул.

– Ты думаешь, мы можем начертить на земле круг, написать в нём странные буквы, встать в середине и читать всякие заклинания?

Какое-то время Юстас усиленно соображал.

– Именно это мне и приходило на ум, хотя я никогда так не делал. Но сейчас, когда дошло до дела, мне кажется, что круги и всё такое прочее – чепуха. Думаю, ему это не понравится. Может показаться, что мы как будто заставляем его что-то делать. На самом деле мы только можем его просить.

– О ком ты всё время говоришь?

– В том месте его зовут Аслан.

– Какое странное имя!

– Не более странное, чем он сам, – важно заявил Юстас. – Давай попробуем. Ничего плохого не случится, если мы только попросим. Становись рядышком. Вот так. А теперь давай вытянем вперёд руки ладонями вниз, как делают на острове Раманду...

– Каким острове?

– Я расскажу тебе об этом в другой раз. Возможно, он хочет, чтобы мы встали лицом на восток. Так, где у нас восток?

– Не знаю, – призналась Джил.

– Удивительно, но девочки никогда не знают, где какая сторона света, – заметил Юстас.

– Ты тоже не знаешь, – возмутилась Джил.

– Сейчас скажу, если не будешь мне мешать. Ну вот. Восток там, где кусты лавра. А теперь повторяй за мной.

– Что повторять? – не поняла Джил.

– Ну то, конечно, что я буду говорить, – пробормотал Юстас. – Давай...

И он начал:

– Аслан, Аслан, Аслан!

– Аслан, Аслан, Аслан, – эхом отозвалась Джил.

– Пожалуйста, пусти нас двоих...

В этот момент с другой стороны школы раздался голос:

– Поул? Я знаю, где она: вон за школой ревет. Привести её сюда?

Джил и Юстас переглянулись, нырнули в заросли лавра и принялись карабкаться вверх по поросшему кустарником холму с завидной скоростью (такими способностями они были обязаны методам обучения, которые практиковали в их экспериментальной школе, где ученик усваивал не французский, математику или латынь, а умение быстро и незаметно исчезать, когда его начинают искать).

Минуту спустя они остановились, прислушиваясь, и по доносившемуся шуму поняли, что их преследуют.

– Только бы дверь была снова открыта! – произнёс Вред на бегу, и Джил кивнула.

Дело в том, что на вершине холма находилась высокая каменная стена с дверью, через которую можно было попасть на вересковую пустошь. Эта дверь почти всегда была закрыта, хотя иногда её всё же открывали – возможно, всего лишь раз. Но представьте себе, что даже этот единственный раз вселил в людей надежду и желание проверить, а всё потому, что, будь она открыта, со школьного двора можно было бы уйти незамеченными.

Джил и Юстас, разгорячённые и грязные, оттого что чуть ли не на четвереньках вынуждены были пробираться через кустарник, отдуваясь, бежали к стене. Впереди виднелась дверь, как всегда закрытая.

– Наверняка ничего не выйдет! – выдохнул Юстас, хватаясь за ручку двери. И вдруг... – Ух ты!

Ручка повернулась, и дверь открылась.

Только что они надеялись, что смогут мгновенно проскочить в дверь, будь она открыта, теперь же, когда дверь распахнулась, оба застыли перед ней как вкопанные. А всё потому, что увидели совсем не то, что ожидали увидеть.

Дети рассчитывали увидеть серый, поросший вереском склон, сливающийся на горизонте с серым осенним небом. Вместо этого в глаза им брызнуло солнце. Его свет лился в дверной проём, как июньским днём лился бы в гараж, если приоткрыть дверь. Он превратил в жемчужинки капли воды на траве и осветил чумазое заплаканное лицо Джил. Солнечный свет шёл явно из другого мира, насколько они могли его видеть через дверной проём. Перед ними была такая сочная и такая необыкновенно зелёная трава, какой Джил никогда прежде не приходилось видеть, и голубое небо, в котором сверкало что-то яркое: то ли драгоценные камни, то ли бабочки.

Джил, хотя и мечтала раньше о чём-то подобном, сейчас испугалась, а посмотрев на Вреда, поняла, что он тоже боится.

– Давай, Поул, – еле слышно прошептал Юстас.

– А мы сможем вернуться? Это не опасно? – заволновалась Джил.

В ту же секунду у них за спинами раздался противный тонкий голосок, который злорадно проквашал:

– Так и знай, Поул, всем известно, где ты, поэтому давай спускайся.

Голосок принадлежал Эдит Джеккл, которая была не из них, но из их прилипал и доносчиц.

– Быстрее! – закричал Вред. – Вот так. Давай руку. Надо держаться вместе.

И прежде чем Джил поняла, что происходит, он схватил её за руку и втащил в дверь, прочь из школьного двора, из Англии, из всего нашего мира – в *то место*.

Голос Эдит Джеккл внезапно смолк, будто выключили радио. В то же мгновение их окружили другие звуки: их издавали у детей над головой яркие существа, оказавшиеся птицами. Они не пели, а скорее шумели, но этот шум тем не менее больше напоминал музыку, чем птичьих трели в нашем мире. И всё же, несмотря на птичьих голоса, они ощутили себя в полнейшей тишине. Эта тишина и прохладный воздух навели Джил на мысль, что они стоят на вершине очень высокой горы.

Вред не выпускал её руку из своей, когда они пошли вперёд, озираясь по сторонам. Джил обратила внимание на огромные деревья вокруг, похожие на кедры, только гораздо больше. Поскольку росли они редко и под ними не было подлеска, лес просматривался на значительное расстояние. На сколько хватал глаз, везде было одно и то же: ровная трава, порхающие птицы с жёлтым, голубым и радужным оперением, синие тени – и ничего больше. В прохладном чистом воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения ветра. В этом лесу было очень тоскливо.

Деревья впереди них закончились, осталось лишь голубое небо. Они молча шли, пока внезапно Джил не услышала, как Вред вскрикнул: «Осторожно!» – и не почувствовала, как её дёрнули назад. Они стояли на самом краю обрыва.

Джил принадлежала к тем счастливицам, которые не знают страха высоты, поэтому стояла над обрывом спокойно, хотя и сердилась на Вреда за то, что тот тянет её назад, как ребёнка. Джил с возмущением выдернула руку и, увидев, как побледнел Юстас, почувствовала презрение.

– В чём дело?

Чтобы показать, какая она смелая, Джил шагнула к самому краю обрыва – даже ближе, чем хотела, – и только тут взглянула вниз.

Теперь она поняла, что у Вреда были причины побледнеть: ничто в нашем мире с этой скалой не могло сравниться. Представьте, что смотрите вниз с самого высокого утёса. А потом представьте, что вниз уходит пропасть в десять, в двадцать раз глубже. Глубоко-глубоко внизу, неразличимые с такой высоты, виднеются маленькие белые комочки, похожие на овечек. Но вовсе это не овечки, а облака, и притом не мелкие клочки тумана, а огромные белые пушистые облака величиной с гигантскую гору. И наконец, где-то там, между облаками, удаётся разглядеть дно пропасти, такое далёкое, что не ясно, поле там внизу или лес, земля или вода, – там, далеко под этими облаками, гораздо дальше, чем находитесь от них вы.

Джил неотрывно смотрела вниз, пока ей не пришло в голову, что надо бы отступить на пару шагов от края пропасти, но что тогда подумает Вред? Да пусть думает что хочет, решила Джил, но она отойдёт от этого ужасного края и никогда больше не будет смеяться над теми, кто боится высоты. Но, попытавшись сдвинуться с места, она вдруг с ужасом осознала, что не может двинуться: ноги стали словно пластилиновые, всё поплыло перед глазами.

– Что ты делаешь, Поул? Назад, идиотка! – заорал Вред.

Его голос она услышала словно откуда-то издалека, зато почувствовала, как Юстас схватил её. Но руки и ноги словно не принадлежали ей. На краю пропасти завязалась короткая борьба. Джил, испуганная и почти без сознания, не понимала, что делает, но два момента ей врежутся в память навсегда (потом даже будут часто сниться): как она вырвалась из рук Юстаса и как в ту же секунду он потерял равновесие и с жутким криком полетел в пропасть.

К счастью, у неё не было времени осознать, что произошло. Какое-то огромное яркое животное бросилось к краю обрыва, улеглось, свесившись вниз, и принялось сильно дуть: не сопеть, не фыркать, а просто ритмично выдыхать открытой пастью воздух, так же как пылесос его втягивает. Джил лежала так близко к странному существу, что ощущала вибрации его тела. Подняться она не могла, потому что была на грани обморока и даже мечтала вправду потерять сознание, да вот только обморок заказать нельзя. Наконец она заметила далеко внизу чёрное пятнышко: отделившись от скалы, оно, как казалось, стало подниматься понемногу вверх, и чем выше, тем больше удалялось. К тому моменту, когда пятнышко поравнялось с вершиной скалы, его уже невозможно было разглядеть: очевидно, удалялось оно от них с большой скоростью.

Джил не могла отделаться от мысли, что это расположившееся рядом с ней существо сдувает его, и повернулась посмотреть, кто это. Это оказался лев.

Глава вторая

Джил получает задание

Не глядя на Джил, лев поднялся, последний раз дунул, затем, видимо довольный своей работой, повернулся и медленно побрёл к лесу.

«Это мне снится, не иначе, – убеждала себя Джил. – Сейчас проснусь, и всё станет по-прежнему».

Но это был не сон, так что о пробуждении не могло быть и речи.

«И зачем только мы пришли в это ужасное место! Хотя вряд ли Вред знал о нём больше моего. Но если всё же знал, то не имел права без предупреждения приводить меня сюда. Я не виновата в том, что он упал со скалы. Оставь он меня в покое, с нами сейчас всё было бы в порядке».

Тут Джил вспомнила, как Вред кричал, когда летел в пропасть, и зарыдала. Нет, поплакать вовсе не плохо, но только пока плачешь. Рано или поздно приходится останавливаться и решать, что же делать дальше. Вот и Джил, закончив плакать, почувствовала, что ужасно хочет пить. До этого она лежала лицом вниз, а теперь села. Птицы смолкли, стояла мёртвая тишина, если не считать еле слышного монотонного гула, доносившегося откуда-то издалека.

Джил подумала, что скорее всего это журчание воды, поднялась на ноги и внимательно огляделась по сторонам. Льва нигде видно не было, но её плотной стеной обступали деревья, так что он вполне мог скрываться где-то поблизости, да и не один. Жажда стала просто нестерпимой, и, собравшись с духом, она отправилась на поиски воды. Осторожно, постоянно оглядываясь, Джил на цыпочках начала передвигаться от дерева к дереву.

В лесу стояла такая тишина, что определить, откуда доносился звук, не составляло никакого труда. Журчание воды становилось всё отчётливее и отчётливее, и неожиданно скоро Джил оказалась на поляне и увидела прозрачный, как стекло, ручей, который бежал в траве совсем рядом. Хоть вид воды и усилил её жажду десятикратно, Джил не бросилась к ручью сломя голову, а застыла на месте с открытым ртом словно каменное изваяние. И на то имелась веская причина: на берегу ручья лежал лев, с гордо поднятой головой и вытянутыми вперёд передними лапами, словно один из тех, что украшают Трафальгарскую площадь. Она тотчас поняла, что он её заметил, потому что, бросив на неё взгляд, лев отвернулся, точно давно её знал и не слишком высоко ставил.

«Если побегу, он одним прыжком настигнет меня, – подумала Джил, – а если продолжу идти куда шла, напрямик попаду ему в зубы». Но что бы там она ни думала, с места двинуться всё равно не могла, даже если бы очень захотела, как не могла и отвести взгляд от зверя. Сколько времени это продолжалось, Джил не знала, но казалось, что несколько часов. Жажда стала такой нестерпимой, что она уже согласилась бы даже быть съеденной, только бы дали сначала глоток воды.

– Если тебя мучает жажда, можешь напиться.

Это были первые слова, которые Джил услышала после возгласов Вреда на краю обрыва. Несколько секунд она непонимающе оглядывалась, пока голос не прозвучал снова:

– Если хочешь пить, подойди и напейся.

Ей вспомнились рассказы Вреда о говорящих животных в том, другом мире, и стало понятно, что эту фразу произнёс лев. Во всяком случае, Джил видела, как двигается его челюсть, да и голос не походил на человеческий: это был скорее сдерживаемый рык – глубокий, грозный, тяжёлый. Нельзя сказать, что она перестала бояться, просто теперь боялась по-другому.

– Разве ты не хочешь пить? – спросил лев.

– Умираю от жажды, – ответила Джил.

– Почему же не пьёшь? – удивился лев.

– Можно я... позвольте мне... Не могли бы вы отойти, пока я пью? – промямлила Джил.

Лев непонимающе посмотрел на неё и глухо заворчал. Окинув взглядом его неподвижное туловище, Джил поняла, что с таким же успехом можно было попросить подвинуться гору.

А тем временем призывное журчание ручья едва не сводило её с ума.

– А вы обещаете, что не... что ничего не сделаете со мной, пока пью? – с опаской произнесла Джил.

– Я не даю никаких обещаний, – отрезал лев.

Джил так хотелось пить, что, сама не заметив как, она сделала шаг вперёд и поинтересовалась:

– А вы едите девочек?

– И девочек, и мальчиков, и женщин, и мужчин, царей и королей, города и королевства, – сказал без хвастовства, сожаления или злости лев.

– Я боюсь... – призналась Джил.

– Тогда умрёшь от жажды, – заключил лев.

– О господи! – воскликнула Джил, сделав ещё шаг. – Наверное, мне лучше поискать другой ручей.

– Здесь нет другого ручья, – спокойно заметил лев.

Ей и в голову не пришло ему не поверить: уж больно суровый был у него вид. И Джил сдалась. Хотя никогда в жизни ей не приходилось испытывать такой страх, она всё-таки подбежала к ручью и, склонившись, принялась пить, ладошкой зачерпывая воду. Это была самая вкусная и освежающая вода, которую Джил доводилось когда-либо пробовать. Её не требовалось много – жажду она утоляла мгновенно. Пока бежала к ручью, Джил сказала себе, что попытается сбежать от льва, как только напьётся, но теперь поняла, что это самое рискованное, на что можно было решиться. Не успев даже вытереть губы, она выпрямилась и застыла на месте, когда услышала:

– Подойди сюда.

Джил и сама не поняла, как оказалась между его передними лапами, прямо перед огромной пастью, и, не в силах выдержать его немигающий взгляд, отвела глаза.

– Человеческое дитя, – произнёс лев. – А где мальчик?

– Упал со скалы, – ответила Джил и добавила: – Сэр...

Она не знала, так ли следует к нему обращаться, но не назвать никак ей показалось невежливым.

– Как это случилось?

– Он пытался не дать мне упасть, сэр.

– Зачем же ты подошла так близко к краю?

– Хотелось похвастаться, сэр.

– Это честный ответ, но больше так не делай. Так вот, – уже мягче заговорил лев, – мальчик в безопасности: я сдул его в Нарнию. Но теперь из-за твоей глупости ваша задача усложнится.

– Какая задача, сэр? – удивилась Джил.

– Задача, для решения которой я призвал тебя и его сюда из вашего мира.

Джил не знала, что и думать. «Он меня с кем-то спутал», – пришло ей в голову. Сказать это льву она, конечно, не осмелилась, но поняла, что всё ужасно запутается, если не скажет.

– Говори, человеческое дитя, – велел лев, будто прочитав её мысли.

– Мне кажется – то есть я думаю, – что здесь какая-то ошибка. Видите ли, нас с Вредом никто не звал, мы сами попросились сюда. Вред говорил, что мы должны попросить у кого-

то – у него ещё такое странное имя – разрешения войти, что мы и сделали, и дверь оказалась открытой.

– Вы не смогли бы меня ни о чём попросить, если бы я сам не позвал вас, – сказал лев.

– Стало быть, Некто – это вы, сэр? – догадалась Джил.

– Да, это я. А теперь слушай своё задание. Далеко отсюда, в королевстве Нарния, правитель пребывает в печали из-за того, что нет у него кровного наследника. Его единственного сына похитили много лет назад, и никто в Нарнии не знает, где он и жив ли вообще. Знаю я: он жив. Тебе надлежит искать принца до тех пор, пока либо не найдёшь и не приведёшь в отцовский дом, либо не погибнешь в поисках, либо не вернёшься в свой мир.

– Но как это возможно? – растерялась Джил.

– Я расскажу тебе, дитя. Вот знаки, с помощью которых я буду направлять тебя. Первое: как только мальчик Юстас ступит на землю Нарнии, ему встретится старый добрый друг. Его надо сразу же поприветствовать, это поможет. Второе: вы должны идти на север от Нарнии, пока не окажетесь на развалинах древнего города великанов. Третье: на одном из камней вы найдёте надпись и последуете туда, куда будет указано. Четвёртое: вы узнаете пропавшего принца (если, конечно, разыщете) по тому, что он окажется первым за всё ваше путешествие, кто попросит вас о чём-то моим именем, то есть именем Аслана.

Когда лев закончил, Джил подумала, что ей следует как-то ему ответить, и сказала:

– Большое спасибо, сэр, я поняла.

– Дитя, – произнёс Аслан куда ласковее, чем прежде, – возможно, ты не настолько хорошо всё поняла, как думаешь. Прежде тебе надо хорошенько запомнить все знаки по порядку, так что давай-ка повтори...

Джил начала было, но спуталась. Лев поправлял её и заставлял повторять снова и снова до тех пор, пока она не выучила всё наизусть. Он был так терпелив, что, когда они закончили, Джил набралась смелости спросить:

– Скажите, пожалуйста, а как я попаду в Нарнию?

– На моём дыхании, – ответил лев. – Я сдую тебя на запад, как сдул и Юстаса.

– А я успею рассказать ему о первом знаке? Впрочем, это не так важно. Ведь если он увидит старого друга, то наверняка подойдёт и заговорит с ним.

– Слишком мало времени, – сказал лев, – поэтому я должен послать тебя немедленно. Пойдём. Шагай передо мной к краю обрыва.

Джил прекрасно понимала, что виной всему она сама. «Если бы я не вела себя так глупо, мы с Вредом отправились бы туда вместе. И он, так же как и я, услышал бы все указания».

Джил всё сделала так, как было велено, хотя и очень нервничала, возвращаясь к краю скалы, особенно потому, что лев шёл не рядом с ней, а бесшумно шагал на мягких лапах следом. И ещё задолго до того, как показался край обрыва, голос сзади приказал:

– Замри. Сейчас я начну дуть. Но главное – это помнить знаки. Повторяй их про себя, когда встаёшь утром, ложишься спать вечером или просыпаешься посреди ночи. Что бы ни происходило, пусть ничто не помешает тебе продвигаться от знака к знаку. А ещё я хочу тебя предупредить: здесь, на горе, я говорю с тобой прямо, но внизу, в Нарнии, так будет нечасто. Здесь твой разум так же чист, как горный воздух, но по мере того как будешь спускаться, приближаясь к Нарнии, воздух станет гуще. Будь очень осторожна, чтобы не сбиться с пути. Там знаки, которые ты запомнила здесь, будут выглядеть не так, как ожидаешь, поэтому очень важно знать их наизусть и не обращать внимания на их вид. Помни знаки и полагайся на них. Остальное не важно. А теперь, дочь Евы, прощай...

Голос звучал всё тише и тише, пока наконец не замер вдали. Джил оглянулась и, к своему изумлению, увидела, что скала теперь удалилась от неё ярдов на сто, а лев превратился в золотистую точку над обрывом. Джил стиснула зубы и сжала кулаки, чтобы устоять под натис-

ком ветра, поднятого дыханием льва, но его выдох оказался таким нежным, что она даже не заметила, в какой миг оторвалась от земли. Теперь под ней были лишь тысячи и тысячи футов воздуха.

Джил успела испугаться лишь на мгновение. Во-первых, мир внизу под ней находился так далеко, что, казалось, не имел к ней никакого отношения. Во-вторых, плыть на дыхании льва оказалось очень приятно. Она обнаружила, что может лежать на спине или на животе, поворачиваясь при этом в любую сторону, как это можно делать в воде, если, конечно, уметь плавать. Поскольку двигалась она с той же скоростью, что и поток воздуха, Джил не чувствовала никакого ветра, да и воздух был восхитительно тёплым. Это совсем не походило на авиаперелёт: здесь не было ни шума, ни вибрации. Если бы у Джил был опыт полёта на воздушном шаре, то она могла бы подумать, что тот и нынешний полёты очень похожи, только этот гораздо лучше.

Сейчас, оглядываясь назад, Джил сумела по-настоящему понять, какой огромной была гора, которую она покинула. Её удивило, почему при такой высоте на вершине отсутствовали снег и лёд. «Наверное, здесь всё по-другому», – решила Джил, а когда посмотрела вниз, то не смогла разобрать, где пролетает: над сушей или над морем – и с какой скоростью движется, потому что находилась на очень большой высоте.

«Боже мой! Знаки! – вспомнилось внезапно ей. – Надо их повторить». На пару секунд её охватила паника, но затем она убедилась, что по-прежнему может повторить их правильно. Джил удовлетворённо вздохнула и откинулась на воздух как на диван.

«Надо же, – удивилась она спустя несколько часов, – я спала, спала в воздухе. Неужели с кем-нибудь ещё такое случалось? Вот уж не думаю. Впрочем, наверное, с Вредом случалось, когда летел так же совсем недавно. Ну-ка, что там внизу?»

А внизу простиралась бескрайняя синяя долина. Холмов на ней не было видно, но её медленно пересекали какие-то крупные белые штуковины. «Должно быть, облака, – подумала Джил, – но гораздо больше тех, что мы видели со скалы. Наверное, это потому, что они ближе. Скорее всего, я спускаюсь. Как же мешает солнце!»

Солнце, которое в начале путешествия стояло у Джил над головой, теперь прямо в глаза. Это означало, что оно садится прямо перед ней. Вред был прав, утверждая, что Джил не слишком интересовалась географией, иначе знала бы, что если заходящее солнце светит прямо в глаза, то движется она на запад.

Разглядывая синюю равнину внизу, она очень скоро заметила разбросанные то тут, то там небольшие светлые пятна. «Это море, – решила Джил, – а пятна – острова». Так оно и было. И Джил позавидовала бы, если бы знала, что некоторые из этих островов Вред не только видел с палубы корабля, но и высаживался на них. Затем она заметила рябь на синей поверхности – скорее всего огромные океанские волны, – а вслед за этим на горизонте появилась широкая тёмная полоса, которая росла прямо на глазах, расширялась и темнела. Впервые Джил почувствовала, что летит с огромной скоростью, и поняла, что эта полоса не иначе как земля.

Внезапно откуда-то слева (ветер дул с юга) появилось и понеслось прямо на неё огромное белое облако, которое на сей раз плыло на одной с Джил высоте. Не успев понять, где находится, она очутилась в самом центре холодного влажного тумана. У неё перехватило дыхание, но это длилось какой-то миг. Джил выплыла из облака, щурясь от солнечного света, мокрая до нитки, хотя была одета в пиджак, свитер, шорты, чулки и довольно тёплые ботинки, поскольку в Англии погода стояла промозглая. Выбравшись из облака на гораздо меньшей высоте, она тотчас заметила то, что вроде бы должна была ожидать, но что оказалось для неё полной неожиданностью и потрясением. Это были звуки. Если до этого путешествие проходило в полной тишине, то теперь до неё донеслись плеск волн и крики чаек, а ещё она почувствовала запах моря. Скорость полёта была теперь очевидна. Джил видела, как с грохотом разбиваются друг о

друга волны, поднимая пенные брызги, – и в ту же секунду всё это оказывалось далеко позади. Земля неслась на неё с огромной скоростью: впереди она уже различала горы, а слева ещё какие-то вершины. Джил видела заливы и мысы, леса и поля, полоски песчаных пляжей. Шум прибоя становился всё громче и поглощал все другие звуки моря. Внезапно суша оказалась прямо перед ней. Джил летела к устью реки. До воды оставалось всего несколько футов. Гребень волны оказался под её мыском, а пенные брызги окатили почти по пояса. Теперь она летела всё медленнее. Вместо того чтобы направиться вверх по реке, она плавно снижалась на её левый берег. Вокруг было столько всего, что Джил не могла разом всё осмотреть: ровная зелёная лужайка, корабль, так ярко раскрашенный, что походил на огромное ювелирное украшение, башни и зубчатые стены, развевающиеся на ветру стяги, толпа в разноцветных одеждах, доспехи, золото, мечи, музыка. Всё смешалось. Затем до Джил дошло, что она уже приземлилась: в какой-то роще на речном берегу, – и всего в нескольких футах от неё стоит Вред.

Первое, что бросилось ей в глаза, – это его неряшливый и неопрятный вид. И тут же Джил подумала: «Какая же я мокрая!»

Глава третья

Король отправляется в плавание

Вред выглядел так неприглядно (да и Джил тоже, если бы взглянула на себя со стороны) по контрасту с великолепным окружением. Лучше я всё опишу сразу.

Через расщелину в горах, которые Джил видела прямо перед собой, подлетая к земле, в лучах заходящего солнца, на дальней стороне лужайки высился замок со множеством башен и башенок. Джил никогда ещё не приходилось видеть такой красоты. Ближе, у беломраморной набережной, на якоре стоял корабль: с высокими носом и кормой, золотисто-багряный, с большим флагом на мачте, множеством флажков на палубе и серебристыми щитами вдоль фальшборта. Возле корабельных сходен готовился взойти на палубу древний старик в алой мантии, под которой была надета кольчуга. Голову старца венчал тонкий золотой обруч. Белая, как вата, борода доходила ему почти до пояса. Он стоял прямо, одной рукой опираясь о плечо богато одетого господина, который хоть и выглядел моложе, но тоже был очень стар и так слаб, что, казалось, его может унести лёгким дуновением ветерка. В глазах его стояли слёзы.

Король обернулся, чтобы обратиться к своим подданным с речью, перед тем как взойти на корабль. Прямо перед ним стояло маленькое кресло-повозка на колёсах, в которую был впряжён крошечный, не больше крупной собаки, ослик. В кресле восседал толстый гном, одетый не хуже короля и обложенный к тому же подушками. Из-за своих габаритов и согбенной позы он представлял собой отнюдь не величественное зрелище, а скорее бесформенную кучу меха, шёлка и бархата. Одного возраста с королём, гном тем не менее выглядел крепче и бодрее, да и смотрел лукаво. Его голая, непомерно большая голова сверкала в закатных лучах солнца словно гигантский бильярдный шар.

Чуть поодаль полукругом выстроились те, в ком Джил сразу угадала придворных. В своих пёстрых одеждах и доспехах они, по правде сказать, больше напоминали клумбу, чем королевскую свиту. Однако больше всего Джил потрясли сами люди, если, конечно, их можно назвать людьми. Нет, примерно каждый пятый из них действительно был человеком, зато остальные были существами, которых не встретишь в нашем мире. Фавны, сатиры, кентавры – Джил видела их на картинках, – а ещё гномы. И множество зверей, которых она тоже узнала: медведи, барсуки, кроты, леопарды, мыши и тучи самых разных птиц. Но вся эта живность была совсем не такой, как там, в её мире. Некоторые здесь были гораздо крупнее: например, мыши стояли на задних лапах и ростом превосходили два фута, – но отличие заключалось не только в этом. Выражение на их мордах ясно давало понять, что они могут разговаривать и думать, совсем как мы.

«Ну и ну, – подумала Джил. – Значит, это правда». И тут же задалась вопросом: «Интересно, они добрые?» С краю толпы она заметила пару великанов и каких-то существ, которые ей были совершенно незнакомы. Внезапно Джил вспомнила про Аслана и знаки. У неё совсем вылетело из головы за последние полчаса, зачем она здесь.

– Эй, Вред! – прошептала она, потянув друга за руку. – Ты знаешь кого-нибудь из них?

– Ах, это опять ты! – недовольно отозвался Вред, и разве можно было его за это упрекнуть? – Помолчи, пожалуйста: я хочу послушать.

– Не глупи, – заторопила его Джил. – Нельзя терять ни минуты. Ты должен как можно скорее отыскать здесь старого друга и немедленно с ним заговорить.

– О чём это ты? – в недоумении воззрился на неё Вред.

– Это Аслан... лев... сказал! – в отчаянии прошептала Джил. – Я его видела.

– Это правда? Что конкретно он сказал?

– Сказал, что ты сразу же встретишь в Нарнии старого друга и должен тотчас с ним заговорить.

– Да я здесь вообще никого не знаю, как не знаю, Нарния ли это.

– Ты вроде бы говорил, что уже бывал здесь?

– Ты просто не так поняла...

– Ну ничего себе! Сам говорил...

– Прошу, замолчи и дай послушать, о чём они говорят, – оборвал её Юстас.

Король беседовал с гномом, но Джил не слышала, о чём, только видела, как гном кивает и качает головой. Затем король наконец обратился к придворным, но его голос был так глух и слаб, что она мало что смогла услышать и понять, потому что упоминались имена и места, которые были ей совершенно неизвестны.

Закончив речь, король наклонился, расцеловал гнома в обе щеки, выпрямился, поднял правую руку, словно благословляя, и затем медленно и неуверенно поднялся по сходням на борт корабля. Его отбытие очень расстроило придворных. Везде мелькали носовые платки, отовсюду слышались рыдания. Сходни убрали, на корме зазвучали фанфары, и корабль медленно отошёл от пристани. (Его буксировала гребная шлюпка, но Джил этого не видела.)

– Ну... – начал было Вред, но закончить ему не удалось, потому что в этот момент что-то большое и белое – Джил на секунду показалось, что это воздушный змей, – промелькнуло в воздухе и опустилось у его ног.

Это оказалась белая сова, только очень большая, не меньше взрослого гнома.

Прищурившись и подслеповато поморгав, она склонила голову набок и, наконец, доброжелательно поинтересовалась:

– У-ух! Кто вы такие?

– Меня зовут Вред, а это Поул, – ответил Юстас. – Не соблаговолите ли сказать, где мы находимся?

– На земле Нарнии, в королевском замке Кэр-Параваль.

– Это король только что отплыл?

– Угу, угу, – печально отозвалась сова, покачивая головой. – Но всё же кто вы такие? Вы меня удивили, не скрою: я видела, как вы летели. Все в это время наблюдали за королём и не видели, как вы приземлились. Кроме меня.

– Нас послал сюда Аслан, – шёпотом сказал Юстас.

– Ух ты! – воскликнула сова, взъерошив перья. – Вот это да! Какие новости! Да ещё в такую рань! Пока солнце не сядет, я сама не своя.

– Нас послали отыскать пропавшего принца, – вставила наконец Джил, которая с нетерпением ждала, когда можно будет вступить в разговор.

– Впервые слышу, – удивился Юстас. – Что за принц?

– Вам лучше поговорить с лордом-регентом, – посоветовала сова. – Он там, в повозке, запряжённой ослом. Его зовут Грам.

Птица повернулась и повела их за собой, бормоча себе под нос:

– Уху-хум! Что за шум? Ничего не понимаю. Ещё слишком рано.

– Как зовут короля? – спросил Юстас.

– Каспиан Десятый, – ответила сова, и Джил с удивлением заметила, что Юстас внезапно замедлил шаг и сильно побледнел.

Джил подумала, что никогда ещё не видела его таким взволнованным, но не успела спросить ни о чём: они как раз дошли до гнома, который уже взялся было за поводья, намереваясь возвратиться во дворец. Толпа придворных разбилась на мелкие группы и тоже начала расходиться, словно после футбольного матча или скачек.

– У-ух! Хм! Лорд-регент! – произнесла сова, чуть склонившись к уху гнома.

- Кха! Что? Кто? – не понял гном.
- Два гостя, мой господин, – доложила сова.
- Какие кости? Что ты мелешь? – рассердился гном. – Я вижу двух ужасно грязных человеческих детёнышей. Что им здесь надо?
- Меня зовут Джил, – выступила вперёд девочка, которой не терпелось объяснить, по какому важному делу они прибыли.
- Девочку зовут Джил! – прокричала сова гному на ухо.
- Что? – проворчал Трам. – Кто девочек убил? Что за чушь! Каких девочек? За что убил?
- Не убил! И девочка всего одна, мой господин, – крикнула сова. – Её зовут Джил.
- Что ты всё жужжишь и свистишь мне в ухо? Кого всё-таки убили?
- Никого не убили! – вышла из себя сова.
- Кого-кого?
- Никого!
- Хорошо-хорошо! Не нужно так кричать! Я же не глухой. То есть ты пришла сообщить, что никого не убили. А почему кого-то должны были убить?
- Лучше скажите ему, что меня зовут Юстас, – предложил Вред.
- Мальчика зовут Юстас, мой господин! – прокричала сова.
- Пусто? – раздражённо переспросил гном. – Оно и видно, что в голове пусто. Зачем ты привела его ко двору? А?
- Да не «пусто», а Юстас! – выкрикнула сова.
- Густо? Не понимаю, о чём ты. Знаешь, что я тебе скажу, Белокрылка? Когда я был молодым, в этой стране жили звери и птицы, которые *действительно* умели говорить. Не было всего этого шамканья, мычания и шуршания. Никто бы этого ни минуты не потерпел. Ни минуты. Урнус, подай, пожалуйста, мою слуховую трубку.
- Маленький фавн, всё это время безмолвно стоявший возле гнома, протянул ему серебряную слуховую трубку, выполненную на манер старинного инструмента под названием «серпент». Пока гном прилаживал трубку вокруг шеи, Белокрылка успела прошептать детям:
- Кажется, моя голова прояснилась. Ничего не говорите о пропавшем принце – позже объясню почему. Не надо, не надо. Ух-ух-ум! Что за шум?
- А теперь, – начал гном, – если *есть* что сказать, госпожа Белокрылка, говори, только членораздельно. Вдохни побольше воздуха и не тараторь.
- С помощью детей, продираясь через приступы кашля, одолевавшие гнома, Белокрылка всё же смогла объяснить, что незнакомец прислал к нарнийскому двору Аслан. Теперь мистер Трам взглянул на них по-другому и переспросил:
- Стало быть, сам лев вас послал, да? Из этого самого другого места... которое за краем света, да?

- Да, мой господин! – прокричал в трубку Юстас.
- Значит, вы сын Адама и дочь Евы, да? – уточнил гном, но ученики экспериментальной школы ничего не знали об Адаме и Еве, поэтому промолчали.

Гном Трам не обратил на это никакого внимания и, по очереди взяв детей за руки и слегка склонив при этом голову, произнёс:

- Ну, мои дорогие, мы вам сердечно рады! Если бы наш добрый король, мой бедный господин, не удалился под парусами к Семи островам, то порадовался бы вашему приходу. Он бы на мгновение почувствовал себя опять молодым – на мгновение. А теперь пора ужинать. О том, что привело вас сюда, расскажете завтра утром на совете. Госпожа Белокрылка, проследи, чтобы для них приготовили спальни, одежду и прочее как для самых почётных гостей. Ещё кое-что я скажу тебе на ухо...

Гном потянулся к сове, без сомнения намереваясь произнести что-то не предназначенное для чужих ушей, но, как всем глухим, ему казалось, что говорит он шёпотом, в то время как на самом деле едва не кричал, так что дети услышали:

– Проследи, чтобы их хорошенько помыли.

После этого гном стегнул ослика, и тот, будучи под стать хозяину очень толстым, нетопливо потрусил к замку, а фавн, сова и дети медленно пошли следом. Солнце к тому времени уже село, становилось свежо.

Они пересекли луг, затем сад и очутились перед северными воротами Кэр-Паравая, распахнутыми настежь. За оградой оказался поросший травой внутренний двор. В окошках огромного зала справа и сложного нагромождения строений прямо перед ними уже зажигались огни. Джил и Юстас вошли в замок вслед за совой, где их встретила очень милая девушка, которой надлежало позаботиться о Джил. Совсем взрослая, она была чуть выше девочки и гораздо стройнее, обладала изяществом тонкой ивы. Даже волосы её походили на ивовые ветви, в которых, казалось, виднелся мох.

Незнакомка привела Джил в круглую комнату в одной из башен, где в очаге пылали сладко пахнущие поленья, а в пол была вделана маленькая ванна. Со сводчатого потолка свисала на серебряной цепи лампа. Окно выходило на запад, на удивительную страну Нарнию, и Джил в распадках далёких гор увидела красные отблески заходящего за них солнца. Ей очень захотелось приключений, которые – она была в этом уверена – только-только начинались.

Приняв ванну, расчесав волосы и надев приготовленную для неё одежду, которая оказалась приятной не только на ощупь и вид, но даже пахла и шуршала приятно, Джил снова подошла к окну: её туда словно притягивало, – но тут раздался стук в дверь.

– Войдите!

В дверях возник Вред, вымытый и роскошно одетый, однако по выражению его лица никто бы не сказал, что он доволен.

– Так вот ты где, – сердито буркнул Юстас, плюхаясь в кресло. – Я тебя обыскался.

– Ну вот и нашёл, – весело ответила Джил. – Правда здесь здорово?

Сейчас у неё всё вылетело из головы: и знаки, и пропавший принц.

– Ну да, только лучше бы нам сюда никогда не попадать, – проворчал Юстас.

– Это почему же?

– Потому что видеть короля Каспиана дряхлым стариком выше моих сил. Это... это просто ужасно.

– А тебе-то что до него?

– Ты ничего не понимаешь, просто не можешь понять. Я не сказал тебе главного: в этом мире другое время.

– Как это?

– Время здесь течёт иначе. Как бы долго мы здесь ни пробыли, назад вернёмся в тот же миг, когда покинули школу.

– Тоже мне, большая радость.

– Да помолчи ты, не перебивай! Когда находишься в Англии, то есть в нашем мире, не знаешь, сколько времени прошло здесь. За один наш год в Нарнии может пройти сколько угодно лет. Люси и Эдмунд говорили мне об этом, но я, как всегда, забыл. Вот и получается, что прошло почти семьдесят лет, нарнийских лет, с тех пор как я здесь был. Понимаешь теперь? И вот Каспиан предстал перед нами глубоким стариком.

– Так значит, твоим старым другом *был* король! – воскликнула Джил, ужаснувшись своей догадке.

– Надеюсь, что так, – печально ответил Вред. – О таком друге только мечтать. Тогда он был чуть старше меня. Видеть этого старика с седой бородой и вспоминать Каспиана, каким

он был в то утро, когда мы захватили Одинокое острова или сражались с морским змеем, – ужасно. Лучше бы он умер.

– Да, но это ещё не всё. Дела обстоят гораздо хуже, чем ты думаешь. Мы проворонили первый знак.

Разумеется, Вред ничего не понял, и Джил рассказала о своём разговоре с Асланом, четырёх знаках и задании найти пропавшего принца, которое им дали.

– Стало быть, ты видел старого друга, как и предсказывал Аслан, и тебе следовало тотчас подойти к нему и заговорить. Ты этого не сделал, а значит, всё с самого начала пошло не так.

– Откуда же я мог это знать? – возмутился Вред.

– Если бы ты соизволил выслушать, когда я пыталась тебе об этом сказать, всё сейчас было бы в порядке, – с упреком заявила Джил.

– Если бы ты не строила из себя не пойми кого на краю скалы, когда чуть не убила меня – да-да, именно чуть не убила, я готов это сколько угодно повторять, – то мы прилетели бы сюда вместе и оба знали, что делать.

– А ты уверен, что самым первым увидел *его*? – не унималась Джил. – До меня ты здесь несколько часов провёл.

– Я оказался здесь всего за минуту до тебя, – возразил Юстас. – Должно быть, он дул на тебя сильнее, чтобы наверстать время, которое, между прочим, потеряла ты.

– Не будь таким врединой, Вред! – воскликнула Джил. – Ой, что это?

Это был колокол в замке, возвестивший время ужина, и назревшая было крупная ссора, к счастью, не состоялась. Оба к этому моменту уже изрядно проголодались.

Ничего великолепнее этого ужина в большом зале дети никогда не видели, и хотя Юстас уже побывал в этом мире, всё время провёл на море, так что понятия не имел о роскоши и этикете нарнийского двора.

С потолка свисали флаги, а появление каждого нового блюда возвещали фанфары и барабаны. Здесь были супы, от одного взгляда на которые текли слюнки, невероятно вкусная рыба, оленина, павлины, пироги, мороженое, желе, фрукты, орехи, различные вина и фруктовые напитки. Даже Юстас повеселел и признал, что здесь действительно здорово. Когда с едой и питьём было покончено, вперёд вышел слепой певец и исполнил старинную балладу о принце Коре, девочке Аравите и коне Игого, которая называлась «Конь и его мальчик» и рассказывала о событиях, произошедших в Нарнии и Калормене, а также землях между ними, в золотой век правления короля Питера в Кэр-Паравале. (Её стоило бы здесь привести, но на это сейчас у меня нет времени.)

Когда они поднимались по лестнице, зевая во весь рот, Джил сказала:

– Держу пари, сегодня мы будем спать как убитые.

Это был долгий-долгий день, но никому не дано знать, что ждёт его совсем скоро.

Глава четвёртая

Совиный совет

Это может показаться забавным, но чем больше вы хотите спать, тем дольше укладываетесь, особенно если вам повезло иметь в комнате камин. Джил казалось, что у неё и раздеться-то нет сил, если не посидеть немного перед камином, однако стоило оказаться у огня, как подниматься уже не хотелось. Она уже раз пять сказала себе: «Пора идти спать», – как вдруг вздрогнула от стука в окно.

Джил вскочила, раздвинула шторы и сначала ничего, кроме темноты за окном, не увидела, но внезапно отпрянула назад – что-то огромное ударило в стекло. Девочка подумала с отвращением: «А вдруг у них здесь водятся гигантские ночные бабочки. Брр!» – но когда неведомое существо вновь появилось возле окна, заметила клюв. «Значит, птица. Может, орёл?» Даже такие гости были ей совсем ни к чему, но всё же она открыла окно и выглянула наружу. Существо тотчас с шумом опустилось на подоконник, заполнив собой весь оконный проём, так что Джил пришлось подвинуться, чтобы дать место, конечно же, сове.

– Ш-ш, ш-ш! Ух-хух, – произнесла гостя. – Только не поднимайте шум. Вы двое и вправду решили сделать то, что должны?

– Вы имеете в виду – отыскать пропавшего принца? – уточнила Джил. – Да, нам дали такое задание.

Ей тут же вспомнился голос льва и выражение на его морде, которые почти забылись за время веселья и разговоров в зале, и по телу пробежала дрожь.

– В таком случае не стоит терять время: вы должны отправляться немедленно. Я сейчас разбужу твоего компаньона, а потом вернусь за тобой. Ты же пока переоденься во что-нибудь более практичное. Ну всё, я полетела. Ух-хух!

Не дожидаясь ответа, сова исчезла.

Джил могла бы и не поверить сове, будь более искушённой в приключениях, но ей это и в голову не пришло. Мысль о ночном побеге так её взволновала, что девочка тотчас забыла про сон. Опять облачившись в свитер и шорты, на ремне которых висел складной нож, – возможно, пригодится, – Джил взяла и кое-что из вещей, оставленных для неё девушкой с ивовыми волосами. Это был короткий, до колен, плащ с капюшоном («А вдруг дождь»), несколько носовых платков и расчёска.

Джил уже начала клевать носом, когда сова вернулась и заявила:

– Ну всё, теперь мы готовы!

– Показывайте дорогу, – попросила Джил, – а то я ещё не разобралась во всех этих коридорах.

– Ух-хум! Мы не пойдём через замок – ни в коем случае! – а полетим, так что влезай мне на спину.

Джил застыла, от удивления раскрыв рот и вовсе не испытывая восторга от этой идеи.

– А я для вас не слишком тяжёлая?..

– Ух-ху-хум! Не говори глупости! Я уже перенесла твоего друга. Давай поторапливайся, но прежде погаси лампу.

Как только свет погас, темнота за окном перестала казаться непроглядной, ночь превратилась из чёрной в серую. Сова на подоконнике повернулась спиной к Джил и раскинула крылья, и она не без труда вскарабкалась на её короткое толстое туловище, плотно обхватив его коленками под крыльями. Перья на ощупь оказались восхитительно тёплыми и мягкими, но вот держаться было решительно не за что.

«Интересно, Вреду понравилось путешествие?» – едва успела подумать Джил, когда сова взлетела с подоконника. В уши ударил трепет крыльев, а в лицо – холодный сырой ночной воздух.

Снаружи оказалось гораздо светлее, чем можно было ожидать, и хотя небо затянули тучи, сквозь них серебристым пятном просвечивала луна. Среди серых полей внизу чернели деревья. Время от времени порывами налетал ветер, предвещавший скорый дождь.

Сова описала круг, и теперь замок был перед ними как на ладони. Лишь в некоторых окнах горел свет. Они поднялись над крышей и направились на север, за реку. Похолодало, и Джил показалось, что в глади воды внизу она видит белое отражение совы. Весь северный берег реки оказался поросшим лесом.

Когда сова на лету что-то схватила, Джил в испуге воскликнула:

– Умоляю, не ныряйте больше так резко! Вы меня чуть не сбросили.

– Прошу прощения, но не могла же я пропустить летучую мышшь! Всем известно, что нет ничего питательнее маленькой толстенькой летучей мышшки. Хочешь и тебе поймаю?

– Нет уж, спасибо! – содрогнулась от отвращения Джил.

Сова опустилась ниже, и теперь из темноты на них надвигалось что-то огромное и чёрное. Джил едва успела понять, что это полуразрушенная башня, поросшая плющом, как ей пришлось пригнуться, чтобы не удариться об арку окна, в которое сова вместе с ней протиснулась сквозь лианы и паутину. Из свежести ночной мглы они попали в полную темноту, куда-то под самый купол башни.

На Джил пахнуло плесенью, и, едва соскользнув с совиной спины, она каким-то шестым чувством поняла, что башня плотно населена. А когда из темноты со всех сторон понеслось «ух-ух!», она уже знала, что здешнее население – совы. К своему облегчению, она внезапно услышала совершенно другой голос:

– Это ты, Поул?

– Какое счастье: это ты, Вред!

– Ну, похоже, теперь все в сборе, – объявила Белокрылка. – Предлагаю открыть заседание совиного совета.

– Ух-гух! Всё правильно, – слышались одобрительные голоса.

– Минуточку, – прозвучал голос Вреда. – Я хотел бы прежде сказать два слова.

– Угу, угу, угу, – согласились совы, а Джил добавила:

– Мы слушаем.

– Думаю, все вы, ребята, то есть совы, – начал Вред, – знаете, что король Каспиан Десятый в дни своей юности совершил плавание к восточным границам этого мира. Так вот, в этом путешествии был и я: с Рипичипом, лордом Дринианом и остальными. Понимаю, что в это трудно поверить, но в нашем мире люди стареют не так быстро, как в вашем. И вот что я хочу сказать: будучи сторонником короля, не стану иметь никаких дел с этим совиным советом, если он затевает какой-то заговор против него.

– Ух-ух! Мы тоже все королевские совы, – загомонили собравшиеся.

– Тогда в чём дело? – спросил Вред.

– Дело лишь в том, – сказала Белокрылка, – что если лорд-регент, гном Трам, узнает о вашем задании найти пропавшего принца, то не допустит этого: скорее посадит вас под замок.

– Вот те на! – воскликнул Вред. – Неужели Трам предатель? Раньше в плавании я слышал о нём много хорошего. Каспиан, то есть король, полностью доверял ему.

– О нет, – слышался чей-то голос, – Трам не предатель. Но более тридцати отважных воинов – рыцарей, кентавров, добрых великанов и прочих – в разное время отправлялись на поиски пропавшего принца, и ни один из них не вернулся назад. И вот, в конце концов, король сказал, что не хочет, чтобы самые доблестные жители Нарнии сгинули в поисках его сына, и отныне никому не позволено отправляться за ним.

– Но нам бы он наверняка позволил, – возразил Вред, – если бы узнал, кто я и кем послан.
– Кем мы оба посланы, – вставила Джил.

– Да, – согласилась Белокрылка, – вполне возможно, что позволил бы, но король в отъезде, а Трам будет придерживаться правил. Он твёрд как сталь, но глух как пень и очень вспыльчив. Вы никогда не сможете его убедить, что в этом случае нужно сделать исключение.

– Вы, наверное, думаете, что он к нам прислушивается потому, что мы совы, а всем известно, что совы мудрые, – заметила одна из участниц совета. – Но он теперь такой старый, что от него только и слышно: «Ты всего-навсего цыплёнок. Я помню, как ты ещё в яйце сидел. Не учите меня, сэр. Крабы и креветки!»

Сова настолько точно изобразила голос Трама, что остальные рассмеялись. Дети начали понимать, что нарнийцы относятся к Траму так, как ученики в школе – к ворчливому учителю, которого все немного побаиваются, потихоньку над ним подтрунивают, но тем не менее любят.

– Как долго короля не будет в Кэр-Паравале? – спросил Вред.

– Кабы знать! – ответила Белокрылка. – Дело в том, что, по слухам, самого Аслана видели на островах – кажется, в Теревинфии. Король сказал, что перед смертью хочет ещё раз встретиться с Асланом и посоветоваться, кто станет королём после него. Но мы опасаемся, что, не встретив Аслана в Теревинфии, он направится на восток, к Семи островам, и дальше – к Одиноким островам, а там дальше и дальше. Хотя он никогда об этом не говорил, но всем известно, что он не мог забыть то путешествие на край света. Я знаю, что в глубине души он всегда мечтал отправиться туда ещё раз.

– Значит, нет смысла ждать его назад? – спросила Джил.

– Никакого, – отозвалась сова. – Уж поверьте! Если бы вы его узнали и сразу с ним заговорили! Он бы всё устроил и, возможно, даже дал вам армию для поисков принца.

Джил промолчала, надеясь, что у Вреда хватит великодушия не говорить совам, почему этого не случилось. У него хватило... ну или почти хватило. Перед тем как взять слово, он тихонько пробормотал себе под нос:

– Это не моя вина.

Затем, уже в полный голос, Юстас произнёс:

– Очень хорошо. Придётся обойтись без этого. Но мне бы хотелось прояснить ещё одну вещь. Если этот совиный совет, как вы его называете, честный и справедливый, если вы не замышляете ничего плохого, то почему собираетесь тайно, в каких-то развалинах, глубокой ночью?

– Ух-хум! Ух-хум! – раздалось со всех сторон. – Где же нам встречаться и когда, если не ночью?

– Видите ли, – начала Белокрылка, – большинство обитателей Нарнии именно так и живут: занимаются делами днём, при свете солнца (уф!), когда нужно спать. В результате ночью они ничего не видят и не соображают, и с ними невозможно иметь дело. Поэтому мы, совы, привыкли встречаться для обсуждения различных дел в удобное нам время.

– Понятно, – кивнул Вред. – Давайте продолжим. Расскажите нам о пропавшем принце. И тогда одна из старых сов поведала такую историю.

Это случилось лет десять назад, когда Рилиан, сын Каспиана, тогда совсем юный рыцарь, одним майским утром отправился вместе со своей матерью, королевой, на север Нарнии. Их сопровождали множество кавалеров и дам в венках из зелёных листьев и с рогами, притороченными к поясам, но собак с ними не было, потому что они отправились собирать цветы, а не охотиться.

Тёплым полднем вышли они на красивую поляну, где из-под земли бил родник, спешились, поели-попили и принялись веселиться. Вскоре королеве захотелось подремать, и придворные устроили для неё ложе в тени, а сами отошли подальше, чтобы не мешать ей разговорам и смехом. С ними был и принц Рилиан. И тут из чаши выползла огромная змея и

ужалила королеву в руку. Услышав её крик, все устремились к ней. Первым возле матери оказался Рилиан. Заметив в траве змею, принц обнажил меч и бросился за ней. Она поначалу была хорошо видна: огромная, переливающаяся, зелёная, словно смертельная отравка, – но вдруг скользнула в заросли кустарника и исчезла, будто сквозь землю провалилась. Принц не успел её сразить, и пришлось ему вернуться к матери, вокруг которой хлопотали придворные.

Едва взглянув на её лицо, Рилиан понял, что их старания напрасны: никакие снадобья в мире ей уже не помогут. Пока жизнь в ней ещё теплилась, она словно пыталась что-то ему сказать, но получалось очень невнятно. Так она и умерла, ничего не сообщив принцу. Десяти минут не прошло с тех пор, как они услышали её крик.

Королеву отнесли в Кэр-Параваль, и там её горько оплакали Рилиан, Каспиан и вся Нарния. Она была великодушной, мудрой, красивой и счастливой. Король Каспиан привёз её с восточного конца мира, и говорили, что в её жилах течёт звёздная кровь.

Принц тяжело переживал смерть матери. Каждый день он отправлялся верхом на север Нарнии, чтобы отыскать ту ядовитую змею и убить. Никто не пытался его остановить, хотя из своих странствий принц возвращался усталым и печальным.

Когда со дня смерти королевы прошёл месяц, в Рилиане стали замечать некие странности: он больше не казался убитым горем – правда, и весёлым не был, – а его конь, хоть они и отсутствовали целый день, не выглядел усталым. Его лучший друг, лорд Дриниан, который служил ещё у короля Каспиана капитаном во время их знаменитого плавания в восточные земли, как-то вечером заметил:

– Ваше высочество, пора прекратить искать эту змею. Разве можно мстить неразумной твари так, будто это человек? Вы только напрасно изводите себя.

– Любезный лорд, да я уж и забыл про змею, – с улыбкой ответил ему принц.

Тогда Дриниан поинтересовался, зачем он продолжает ездить в северные леса.

– Я встретил там самое прекрасное создание на свете.

– Доблестный принц, позвольте мне сопровождать вас завтра? – попросил Дриниан. – Очень хочется взглянуть на это чудо.

– Охотно, – последовал ответ.

На следующий день, в условленное время, они оседлали лошадей и помчались в северные леса. Дриниану показалось странным, что спешили они у родника, возле которого умерла королева: принц выбрал именно это место. До полудня ничего не происходило, а потом его взору предстала девушка, прекраснее которой ему видеть никогда не доводилось. Она стояла с северной стороны родника и, не говоря ни слова, манила принца рукой. Высокая, статная и ослепительно красивая, девушка была закутана в зелёную воздушную ткань. Принц смотрел на неё так, будто лишился рассудка. Так же внезапно, как появилась, девушка исчезла, и друзья вернулись в Кэр-Параваль. У Дриниана почти не было сомнений, что эта женщина само воплощение зла.

Он долго колебался, не рассказать ли об этом приключении королю, но, не желая прослыть болтуном и сплетником, решил держать язык за зубами, о чём позднее горько пожалел. На следующий день принц отправился на север один и больше не вернулся, и никаких его следов: ни коня, ни шляпы, ни плаща – не было обнаружено ни в Нарнии, ни в соседних землях.

В горьком раскаянии пришёл Дриниан к королю:

– Ваше величество, прикажите меня казнить на этом самом месте за предательство, ибо я поступил как трус и своим молчанием погубил вашего сына.

Услышав всю историю, Каспиан схватил было алебарду и бросился к Дриниану, но тот остался недвижим как скала, и это отрезвило короля. Со слезами на глазах Каспиан отбросил оружие и воскликнул:

– Я уже потерял жену и сына! Неужели этого мало и мне предстоит лишиться друга?

Он бросился Дриниану на грудь, обнял верного друга, и они вместе зарыдали. Что бы ни уготовила им судьба, их дружба не умерла.

Такова была история Рилиана. Когда старая сова замолчала, Джил произнесла:

– Уверена, что змея и есть та девушка неземной красоты.

– Угу, угу, мы тоже так думаем, – отозвались совы.

– Но мы считаем, что она не убивала принца, – добавила Белокрылка. – Ведь никаких следов...

– Мы знаем, – быстро перебил её Вред. – Аслан сказал Поул, что принц жив, но где находится – неизвестно.

– Что ещё хуже, – заметила старейшая из сов. – Это значит, что женщина-змея что-то замышляет против Нарнии, а принц лишь орудие в её руках. Давным-давно, в самом начале, с севера явилась Белая колдунья и сковала нашу землю снегом и льдом на сотни лет. Похоже, они из одной шайки.

– У нас с Поул задание: найти этого принца, – сказал Вред. – Вы нам поможете?

– У вас есть какие-нибудь мысли на этот счёт? – поинтересовалась Белокрылка.

– Судя по всему, нам нужно идти на север, до развалин города великанов, – предположил Вред.

Совы заухали, захлопали крыльями, распушили перья и заговорили все разом, пытаясь объяснить, как сожалеют, что не могут отправиться вместе с детьми на поиски принца.

– Всё дело в том, что вы намерены путешествовать днём, а мы можем только ночью! – раздалось со всех сторон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.